

Сергиенко Е.А. Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции

English version: [Sergienko E.A. Behavior control: individual resources of subject control](#)

Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Обсуждается гипотетическое представление об индивидуальной ресурсности контроля поведения. Ресурсной основой контроля поведения являются индивидуальные когнитивные, эмоциональные и волевые ресурсы субъекта. Контроль поведения рассматривается как интегративный индивидуальный способ субъектной регуляции и основа становления всей системы саморегуляции человека. Приводятся эмпирические аргументы в поддержку выдвигаемой гипотезы: анализируются различные возрастные периоды – от младенчества до взрослого возраста, а также трудные жизненные ситуации, требующие напряжения в реализации индивидуальных ресурсов для контроля поведения.

Ключевые слова: контроль поведения, индивидуальные ресурсы, совладающее поведение, стратегии совладания, психологическая защита, младенец, подросток, женщина в период беременности

Идея анализа саморегуляции как некоторого ресурса человека представлена в ряде зарубежных и отечественных работ [Леонтьев, 2002, 2006; Корнилова, 2007; Холодная, 2002; Петровский, 2007; Baumeister, Schmeichel, Vohs, 2007 и другие].

Так, в работах Д.А.Леонтьева, А.Г.Асмолова, Б.С.Братуся полагается личностная детерминация процессов регуляции и саморегуляции человека, утверждается, что смысловые образования играют ведущую роль в этих процессах.

Т.В.Корнилова [Корнилова, 2007], анализируя проблему принятия решений (ПР), указывает на значение интеллектуально-личностного потенциала. Человек должен соответствовать уровню задач, предполагающих выбор, и этот выбор становится личностным. Понятие интеллектуально-личностного потенциала, как указывает Корнилова, не является устоявшимся. Можно обозначить две тенденции в его понимании. Первое, когнитивистское, объединяется в представлениях о когнитивном ресурсе, интеллектуальном диапазоне, интеллектуальном потенциале. Именно эти понятия используются как объяснительные конструкты при анализе регуляции процессов мышления, интеллектуальных способностей как ресурсов саморегуляции. Второе – скорее связано с представлениями о личностном потенциале (например, Д.А.Леонтьев), не имеющем отношения к интеллекту как источнику регуляторных возможностей. Т.В.Корнилова поясняет свое понимание интеллектуально-личностного потенциала: «...интеллектуально-личностный потенциал – не “мешок” с опущенными туда и подспудно учитываемыми субъектом возможностями. Его психологическое “изображение” должно быть выражено по оси не вниз (в глубину потенциала), а вверх – в область актуализируемых субъектом новообразований, включающих актуалгенез личностно-мотивационных и интеллектуальных компонентов как координат образования более парциальных или более общих систем регуляции в конкретной ситуации ПР. Готовность и умение человека использовать свои возможности (а не их оценка сама по себе) – один из аспектов так понятой саморегуляции...» [Корнилова, 2007, с. 183].

Данное определение довольно близко нашему представлению о ресурсном характере контроля поведения.

М.А.Холодная [Холодная, 2002] выдвинула гипотезу о произвольном и непроизвольном интеллектуальном контроле. Изучая когнитивные стили как индивидуальные способы познавательного анализа и преобразования воспринимаемого материала, она показала, что «когнитивные стили – это особый тип интеллектуальных способностей сравнительно с традиционными интеллектуальными способностями, измеряемыми с помощью психометрических тестов интеллекта [Там же. С. 176]. Исторически когнитивные стили понимались как когнитивный контроль и в настоящее время также используются для измерения, например, когнитивной гибкости как показатели исполнительных функций, составляющих основу саморегуляции. Когнитивные контроли (или контроль) относились к управляющим познавательным процессам: координации восприятия, памяти, мышления для построения ментальной модели ситуации или события и торможению аффективных реакций в процессе выполнения познавательных задач.

Холодная указывает, что если традиционные интеллектуальные способности могут рассматриваться как показатели готовности психических механизмов к переработке информации, то когнитивные стили (контроль) – это психические механизмы управления этими процессами переработки информации. В гипотезе М.А.Холодной важным для нашего понимания контроля поведения как конструкта, основанного на индивидуальных ресурсах, является положение о когнитивном контроле, управляющем интеллектуальной активностью, интеллектуальным индивидуальным ресурсом, регулирующим аффекты. Данное представление согласуется с нашим представлением о подсистеме когнитивного контроля [Сергиенко, 2007].

Таким образом, в приведенных выше гипотезах и взглядах разных исследователей можно выделить представления об интеллектуальных ресурсах, интеллектуально-личностных ресурсах человека, которые используются в регуляции активности человека. Однако в данных представлениях ресурсы фактически ограничены интеллектуальными, что в более детальном виде представлено в гипотезе М.А.Холодной, а эмоциональная и произвольная регуляции становятся производными от когнитивного контроля. За признанием личности основной детерминантой саморегуляции (например, А.Г.Асмолов, Д.А.Леонтьев, В.А.Петровский и другие) следует вопрос о возможности саморегуляции на более низких уровнях организации человека и о понимании конструкта личности.

В зарубежной современной психологии также существует представление о саморегуляции, основанной на ресурсах человека. Это модель силы ресурсов (Strength model) Р.Бауместейстера, Б.Шмейчеля и К.Вогс [Baumeister, Schmeichel, Vohs, 2007]. Главная идея данной модели может быть описана шестью основными положениями.

1. Действия саморегуляции расходуют ограниченные ресурсы, так что после выполнения таких действий индивидуальный запас этих ресурсов временно сокращается.
2. Когда ресурсы истощены, индивид менее эффективен в других задачах саморегуляции.
3. Одни и те же ресурсы используются для широкого круга регуляторной активности.
4. Ресурсы подобно энергии или силе могут быть восстановлены после отдыха или посредством других механизмов.
5. Тренинг самоконтроля может приводить к долговременному возрастанию способности к саморегуляции.
6. Индивид может изменять свое поведение задолго до того, как ресурсы израсходованы, то есть предвосхищать возможные эффекты саморегуляции.

Авторы концепции указывают на то, что идея зависимости саморегуляции от ресурсов имеет длительную историю в различных теориях и прослеживается в представлениях житейской психологии («сила воли»). Так люди, осуществляющие волевой контроль своего поведения в какой-то сфере, могут ослаблять саморегуляцию в других областях жизнедеятельности. Например, во время сессии студенты при подготовке к экзамену демонстрируют множественные признаки ослабления самоконтроля: плохо и нерегулярно питаются, мало и тревожно спят, возвращаются к вредным привычкам (курению, поеданию сладкого и т.п.), эмоционально лабильны, раздражительны. Объяснить такую картину потери самоконтроля стрессовой ситуацией экзамена недостаточно. Стресс не вызывает многих из перечисленных изменений поведения. Исходя из модели силы ресурсов, студенты используют все их ресурсы для главной задачи данного периода – подготовке к экзаменам, освоению большого объема информации за короткое время. Ресурсов саморегуляции остается значительно меньше для контроля повседневной активности (еда, сон, контроль вредных привычек).

Серии лабораторных исследований, проверявших данную модель в сравнении с моделями контроля информационных процессов или моделью постепенного усиления саморегуляции по мере психического развития и становления навыков контроля, показала, что предсказания поведения на основе рассматриваемой модели более успешны, чем другие [Baumeister, Schmeichel, Vohs, 2007]. Авторы модели предлагают термин «истощение ресурсов», который имеет аналогии с представлениями З.Фрейда об «эго-истощении». Данное понятие необходимо для демонстрации ограничений ресурсов саморегуляции, волевых усилий, включающих выбор и активный ответ. Модель эго-истощения тестировалась в разных областях самоконтроля (интерперсональных отношениях, интеллектуальной деятельности, при аддиктивном поведении) и давала доказательства ресурсной основы саморегуляции.

Подобно концепту эго-истощения, Д.Гилбарт с коллегами [Immune neglect ... , 1998] предположили существование психологической «иммунной системы», которая функционирует для минимизации негативных ощущений, обеспечивая субъекта «психологической помощью». Эта система действует на неосознанном уровне, не нуждается в целенаправленном самоуправлении, что говорит о возможностях регуляции на разных уровнях ментальной организации. Сознательная регуляция может усиливать несознаваемый контроль действий. Например, анализ исполнения намерений (в такое-то время сделать определенное дело) запускает последовательную цепочку целенаправленного поведения, которая без постоянного самоконтроля создает условия для осуществления намерения. Интересно отметить, что проверка модели силы ресурсов показала значительные влияния эго-истощения на задачи, относящиеся к флюидному интеллекту (способность к умозаключениям, манипуляции абстракциями, распознавание логических отношений, способность к освоению новой информации или новому использованию информации), но незначительное влияние на задачи, относящиеся к кристаллизованному интеллекту (память на слова, общие знания).

Эти данные согласуются с предполагаемыми мозговыми механизмами исполнительных функций, лежащих в основе саморегуляции. Префронтальная корковая система активизируется в большей степени тогда, когда требуются решения, новые знания, новые способы получения информации. Авторы модели силы ресурсов считают, что она дает ключ к пониманию проблем человека и его возможностей во всех областях психологии и имеет большое значение для решения современных проблем социума: правонарушения, аддикции, потеря морали, сексуальные нарушения и многие другие, поскольку все они коренятся в саморегуляции. Изучение саморегуляции способствует развитию и понимания субъектности, свободы воли: выбор поведения, способность к преодолению и управлению своим поведением раздвигают горизонты человеческой самореализации.

Модель силы ресурсов сопоставима с моделью самоуправления Э.Хиггинса [Higgins, 1996] и моделью обратной связи К.Кавера и М.Шейера [Carver, Scheier, 1981], а также идеями З.Фрейда об энергетических способностях саморегуляции.

Подробное рассмотрение именно ресурсной модели было необходимо для нас, во-первых, потому, что она довольно интенсивно применяется в исследованиях в социальной и общей психологии, а во-вторых, и это главное, эта модель касается ресурсов саморегуляции, что перекликается с нашим подходом к контролю поведения, но только с внешней стороны.

Достоинствами рассмотренной ресурсной модели являются, во-первых, попытка интегративного подхода к процессам саморегуляции; во-вторых – отнесенность возможностей саморегуляции к внутренним ресурсам человека; в-третьих – адресованность всех процессов саморегуляции к конструкту субъекта. Здесь следует заметить, что термин Self (самость) ближе по своему значению понятию субъекта, чем личности, как полагает Д.А.Леонтьев и многие другие авторы. Основанием для этого суждения могут служить работы С.Л.Рубинштейна [Рубинштейн, 1998], А.В.Брушлинского [Брушлинский, 2003], М.Фуко [Фуко, 2007]. Поскольку в модели силы ресурсов субъект рассматривается как центральная инстанция, то показателями ее реализации становятся выбор и свобода воли, а в этих категориях характеризуют именно субъекта.

Недостатком модели силы ресурсов, на наш взгляд, является прежде всего упрощенность представлений о саморегуляции как органических ресурсах и их истощении. Это напоминает гидромеханическую модель поддержания гомеостаза К.Лоренца. Специфика процессов

саморегуляции теряется за упрощенным пониманием эго-истощения и снижения общих ресурсов. Многочисленные доказательства авторов также собраны на материале достаточно простых и единичных действий людей, которые часто искусственно вырваны из контекста их жизнедеятельности, реальных интересов и возможностей.

Здесь и возникает самый серьезный вопрос о понимании ресурсов. Если ресурсы – это просто некоторая энергия или сила, то в данной модели она существует в виде почти физической энергии батарейки, которая ограничивает возможности саморегуляции субъекта. Если это ресурсы субъекта, то они в данной модели не операционализированы и сведены лишь к энергетической составляющей человеческого функционирования, то есть никак не специфичны для регуляции субъекта.

Индивидуальные ресурсы как основа контроля поведения

Наше понимание контроля поведения, которое опирается на ресурсы субъекта, предполагает прежде всего индивидуальные ресурсы. Поскольку субъект интегрирует все индивидуальные ресурсы человека, то системообразующим фактором всей системы регуляции выступает именно субъект.

Под индивидуальными ресурсами мы полагаем, во-первых, особенности интеллектуальных, когнитивных способностей, обеспечивающих анализ и упорядочивание внешней и внутренней среды, создание ментальных моделей ситуации и событий, ментальное оперирование внутренними моделями и представлениями, подготовку решения, способность гибкого когнитивного контроля.

Обозначая данную субсистему контроля поведения как *когнитивный контроль*, мы включаем в нее особенности меры интеллекта (в смысле совокупной способности – перцептивного анализа и синтеза, памяти, обобщения и образования понятийных структур и когнитивных схем, ментальных моделей, способности к умозаключениям, упорядочиванию знаний; то есть все те способности, которые описываются понятием интеллекта), и стилевые когнитивные способности, обозначаемые традиционно как когнитивные контроли. Здесь мы согласны с М.А.Холодной [Холодная, 2002] в определении интеллектуальных ресурсов как совокупности меры интеллектуальных способностей и метакогнитивной способности индивидуальных когнитивных стилей. Индивидуальные интеллектуальные способности людей чрезвычайно различны. Поэтому, контролируя собственное поведение, субъект использует свои интеллектуальные ресурсы.

Аргументов для подобного понимания достаточно много. Приведем лишь один пример. Так, при изучении модели психического у детей с типичным развитием, аутизмом и сниженным интеллектом [Сергиенко, Лебедева, Прусаков, 2009] нами было показано, что способность понимать не только ментальную, но и физическую причинность связана не только с развитием собственно модели психического, но и с уровнем интеллектуального развития (психометрического интеллекта). Дети со сниженным интеллектом (показатели < 85 баллов) были сравнимы с группой детей с расстройствами аутистического спектра, хотя причины дефицита понимания психического и физического мира были различны. Средний уровень интеллекта является необходимым условием для становления модели психического – как пороговая величина. Такие же отношения связывают уровень психометрического интеллекта и креативность.

Однако, выделяя интеллектуальный ресурс (когнитивный контроль как субсистему контроля поведения), полагаем, что эта система, хотя и чрезвычайно важна для процессов саморегуляции, но недостаточна для понимания регулятивных возможностей субъекта. В качестве очевидного примера могут служить исследования высокоодаренных детей, чей интеллектуальный ресурс чрезвычайно высок, но их достижения и самореализация ограничиваются трудностями эмоционального и волевого характера. Невозможность преодолеть тревогу, выстроить последовательность целевых действий, трудности коммуникаций в социуме свидетельствуют о проблемах саморегуляции (контроля поведения), где дефицит эмоциональной и / или волевой регуляции блокирует или снижает реализацию когнитивных ресурсов. Существует также много жизненных примеров, когда высокоинтеллектуальные люди не достигают тех жизненных целей, которых бы могли достичь, не оправдывают возложенных на них надежд, более того, не чувствуют себя реализованными именно из-за невозможности контроля собственного поведения.

Второй субсистемой контроля поведения мы полагаем *эмоциональный контроль*, который также опирается на индивидуальные ресурсы субъекта. Люди отличаются различной эмоциональностью, интенсивностью эмоций, эмоциональной лабильностью, эмоциональной импульсивностью, различной способностью «читать» эмоции других людей и понимать свои, доминирующей окрашенностью настроения. Индивидуальные особенности эмоциональности описываются в психологии в рамках темпераментальных и характерологических черт. Все это позволяет предполагать существование эмоциональных индивидуально различных ресурсов. Эмоциональная регуляция тесно связана с когнитивным контролем и волевой регуляцией.

Третья субсистема контроля поведения – *произвольный / волевой контроль* – также опирается на индивидуальный ресурс человека. Становление произвольности исполнительных действий, поведения, подчинение определенным целям, стандартам, смыслам проходит длительный путь развития в онтогенезе человека. Однако произвольность связана с развитием префронтальной кортикальной системы, обеспечивающей тормозный контроль, гибкость когнитивных и эмоциональных процессов, программирование действий, интеграцию информации. Индивидуальность развития данной системы показана в работах, например, Н.Фокса с коллегами [Fox et al., 1994].

Более того, дети с разным темпераментом (стилем поведения) отличаются с самого рождения регулярностью и предсказуемостью своей активности. Это касается смены сна и бодрствования, циклов взаимодействия со взрослыми, времени кормления, способности успокоиться, способности адаптироваться к новой обстановке (то есть пластичности поведения). Младенцы с легким темпераментом именно в этом отличаются от детей с трудным темпераментом. Эти индивидуальные характеристики способствуют становлению произвольности регуляции поведения. Не следует думать, что это сугубо врожденное свойство. Всегда существует коактивация генетических и средовых факторов; внешние факторы являются важнейшими условиями для реализации и модификации генотипа, например, материнская поддержка регуляции поведения младенца или, напротив, беспорядочная среда, несензитивные родители.

Таким образом, под *ресурсной основой контроля поведения мы понимаем индивидуальные когнитивные, эмоциональные и волевые ресурсы субъекта.*

При этом выраженность выделенных ресурсов имеет сугубо индивидуальный паттерн, то есть соотношение когнитивных, эмоциональных и волевых способностей представлен у каждого человека в разных соотношениях. Например, может быть высокий уровень когнитивных ресурсов, средний – эмоциональных и низкий – волевых. Это предположение ведет к гипотезе о своеобразии контроля поведения и своеобразии предпочитаемых стилей саморегуляции. Это предположение также приводит к гипотезе связанности контроля поведения с психологическими защитами и типами совладающего поведения, поскольку все эти механизмы саморегуляции базируются на организации субъектности человека, что означает интеграцию всех индивидуальных ресурсов и особенностей человека.

Контроль поведения является, по-видимому, более ранней формой целостной регуляции, включающей индивидуальные ресурсы человека, что обеспечивает индивидуальные варианты адаптации и позволяет преодолевать трудные ситуации развития, деятельности и собственной жизни.

Индивидуальная ресурсность контроля поведения: эмпирические аргументы

Теоретически обоснованная гипотеза об индивидуальных ресурсах субъекта как основе контроля поведения позволила сформулировать эмпирические ожидания, которые проверялись в экспериментальных исследованиях.

- Субсистемы контроля поведения (когнитивный контроль, эмоциональная регуляция, произвольный / волевой контроль) являются тесно связанными характеристиками.
- Контроль поведения, как интегративный индивидуальный способ регуляции поведения, отличается у разных людей, и его эффективность различна в зависимости от выраженности его

параметров.

- Трудные жизненные ситуации позволяют выявить различия контроля поведения, поскольку предъявляют высокие требования к индивидуальным ресурсам регуляции.
- Контроль поведения складывается в раннем онтогенезе человека.
- Субсистемы контроля поведения развиваются гетерогенно и гетерохронно, постепенно образуя единую систему регуляции поведения.
- Контроль поведения, психологические защиты и совладающее поведение составляют единый континуум защитных механизмов, поскольку все они базируются на организации субъектности человека, что означает интеграцию всех индивидуальных ресурсов и особенностей человека.

Экспериментальные исследования, выполненные нами, подтверждают данные гипотезы.

Изучение развития контроля поведения, проводящееся в лонгитюдном исследовании детей в возрасте от 4-х до 42-х месяцев, в целом подтвердило раннее становление контроля поведения [Виленская, Сергиенко, 2001; Сергиенко, Виленская, 2004; Виленская, 2007]. Гетерохронность этого процесса выражается в опережающем развитии контроля действий (предшественника произвольной регуляции), затем развитии эмоционального и позже когнитивного контроля. Гетерохрония развития субсистем контроля поведения функционально компенсируется более эффективным использованием одной из субсистем контроля поведения. Например, при сравнении трех групп детей первых трех лет жизни: монозиготных и дизиготных близнецов и одиночнорожденных – было показано, что у монозиготных (идентичных) близнецов хорошо развитый эмоциональный контроль может компенсировать недостаточное развитие когнитивного контроля. Динамика развития компонентов контроля поведения различна в разных группах детей. Одиночнорожденные дети обгоняют близнецов в развитии всех компонентов контроля поведения.

В развитии контроля поведения в раннем возрасте существует отчетливо выделяемый кризис и несколько менее выраженных переломных моментов. Внешне они выражаются в падении показателей контроля поведения, в резком снижении генетической обусловленности отдельных показателей контроля поведения, в изменении факторной структуры контроля действий и когнитивного контроля, а также в изменении характера межвозрастных связей характеристик контроля поведения. Все это позволяет утверждать, что в возрасте около 18–24 мес. у детей наблюдается перестройка системы регуляции, предположительно заключающаяся в смене детерминации контроля поведения с внешней на внутреннюю, то есть в постепенной саморегуляции. Подтверждением неравномерности и реорганизации системы контроля поведения в 18–24 месяца служит динамика генетико-средовых вкладов в контроль поведения. Генетический вклад в контроль поведения неравномерен в разных его компонентах, однако во всех компонентах контроля поведения наблюдается падение его генетической обусловленности на 2-м году жизни детей, что также может служить косвенным доказательством качественной реорганизации контроля поведения в этот период, когда, с одной стороны, изменяются механизмы, обеспечивающие тот или иной вид поведения, а с другой – система регуляции неустойчива и сензитивна к средовым воздействиям, которые могут в значительной мере модифицировать путь ее развития [Сергиенко, Виленская, 2004; Виленская, 2007]. На развитие контроля поведения, как было показано в работах Г.А.Виленской [Виленская, 2004; 2007; 2008], большое влияние оказывает стиль родительского воспитания, который может способствовать формированию того или иного типа темперамента как способа индивидуальной адаптации. Темперамент не фиксирован с рождения, ребенок рождается с предрасположенностью к тому или иному типу реагирования, которое может закрепиться средовыми воздействиями. Постепенно складывается стиль поведения, который обозначается понятием темперамента, как устойчивые способы индивидуальной адаптации.

Единство внутренних и внешних условий, изначальная индивидуальность младенца находят еще одно доказательство при анализе динамики контроля поведения [Сергиенко, 2006].

Тесная взаимосвязанность и своеобразие паттернов в организации контроля поведения нашли свое подтверждение в исследовании агрессивности в подростковом возрасте [Рязанцева, Сергиенко, 2007]. В отличие от многих исследований мы не обращались к анализу крайних случаев криминальной агрессивности, а изучали нормативную агрессивность подростков и возможности ее регуляции в рамках конструкта контроля поведения.

Контроль поведения у подростков с разным уровнем агрессии проявляется в своеобразной организации составляющих его компонентов (когнитивной, эмоциональной и волевой саморегуляции), образуя индивидуальный паттерн саморегуляции. У подростков с низким уровнем агрессии контроль поведения строится на основе высокого уровня развития отдельных составляющих саморегуляции при относительно низкой степени когерентности. В группе подростков со средним уровнем агрессии организация поведения основана на высокой степени интеграции регуляторных способностей, включенности всех звеньев в систему саморегуляции. Когнитивная саморегуляция играет системообразующую роль, объединяя эмоциональную и волевую регуляцию. Контроль поведения в группе подростков с высокой агрессией также строится на основе интегративных механизмов, компенсируя низкий уровень развития отдельных регуляторных процессов.

Исследование подростков с разным уровнем агрессии подтвердило наличие интегративной характеристики – контроля поведения. Об этом свидетельствует гомогенность, однородность матриц интеркорреляций в трех группах (с низкими, средними и высокими показателями агрессивности), а также когерентность его компонентов. Показатель дифференцированности указывает на наличие межуровневых связей в регуляции поведения – субъектно-личностных.

Другие аргументы, подтверждающие связанность этих уровней, были обнаружены при изучении контроля поведения в период беременности [Ковалева, 2004; Ковалева, Сергиенко, 2007].

Для верификации наших теоретических предположений важнейшими из результатов данного цикла исследований стали данные о том, что при благополучном течении беременности, показателем чего было отсутствие соматических осложнений, женщины характеризуются более высокими показателями всех составляющих контроля поведения. Более того, личностные и субъектные качества составляют более интегрированную и взаимосогласованную систему (максимально полное использование ресурсов, их внутренняя согласованность, участие большего числа показателей в системе регуляции поведения, между которыми существуют компенсаторные или согласованные отношения).

При данной системе организации контроля поведения психические состояния данной группы женщин оказываются более устойчивыми и активными.

Важнейшим результатом этой работы являются также данные, указывающие на преемственность индивидуальных паттернов адаптивного поведения. Младенцы, родившиеся у женщин, отличающихся высокими показателями контроля поведения, согласованностью и интегрированностью субъектно-личностной организации, отличались более высоким уровнем развития когнитивных, моторных и социальных навыков.

Использование индивидуальных ресурсов в ситуации вынашивания ребенка, предполагающей увеличение усилий, с необходимостью включает взаимодействие между женщиной и членами ее семьи. Согласно модели силы ресурсов Р.Баумейстера, Б.Шмейчеля и К.Вогса [Baumeister, Schmeichel, Vohs, 2007], данная ситуация должна была бы привести к эго-истощению. Однако, как показали наши результаты, женщина начинает использовать не только свой ресурс, но и ресурс собственной семьи, поскольку цель – благополучное вынашивание ребенка, является общей целью. Формирование и реализация контроля поведения связаны с субъектными характеристиками партнеров по ситуации, прежде всего семейным окружением – родительским отношением, супружеской поддержкой и участием. Анализ связей контроля поведения партнеров по ситуации позволяет нам рассмотреть семью как коллективного субъекта, имеющего собственную специфику, связанную со сложными системными процессами, направленными на поддержание семейной целостности. Корреляционный анализ показателей супругов показывает, что их индивидуальные личностные и субъектные показатели согласуются или компенсируют друг друга в соответствии с особенностями ситуации, в нашем случае ситуации вынашивания.

Значение субъектно-личностной интеграции в регуляции поведения и непрерывность регулятивных паттернов было продемонстрировано в лонгитюдном исследовании всего периода беременности [Соколова, Сергиенко, 2007].

В работе удалось показать непрерывную динамику изменений параметров психического здоровья

беременной женщины от начала беременности до ее завершения. Прослеживая смену психических состояний и особенностей их регуляции, выделили критический период изменения системы ценностей и отношений, образования новых смыслов у будущей матери, который приходится на второй триместр беременности и совпадает с началом ощущения шевелений ребенка. Подтверждена связь между параметрами психического здоровья матери (стрессоустойчивость, реактивная и личностная тревожность и др.) и ребенка (неонатальное состояние, регуляция поведения, ментальное и психомоторное развитие). Такие результаты получены и методом срезов в работе Ю.В.Ковалевой [Ковалева, 2004; Ковалева, Сергиенко, 2007], и в лонгитюдном исследовании [Соколова, 2006; Соколова, Сергиенко, 2007]. Это дает новые аргументы для понимания возможностей личностного роста будущей матери, его значения в регуляции собственного поведения в жизненный период, требующий регулятивных усилий. Способность женщины контролировать собственные состояния, подчинять их главным задачам жизненной ситуации (ценность рождения ребенка) указывают, на наш взгляд, на связь личностных образований с реализацией субъектом собственной жизни, обеспечивая более зрелые формы самореализации.

В разных исследованиях мы экспериментально аргументировали гипотетическое предположение, что контроль поведения, как интегративная индивидуальная регуляторная функция субъекта, тесно связан с психологическими защитами и совладающим поведением, поскольку они составляют континуум адаптивного поведения, который опирается на индивидуально вариативные ресурсы человека.

Лонгитюдное исследование подросткового возраста от 14 до 18 лет (пять срезов) [Ветрова, 2006, 2008] позволило получить доказательства тесной связи контроля поведения, совладания и психологических защит, при этом наиболее стабильной величиной являлся контроль поведения, что представляется закономерным, поскольку он начинает складываться достаточно рано.

Аргументом в пользу стабильности индивидуальных паттернов саморегуляции могут служить исследования других авторов [Gottfredson, Hirschi, 1990; Hay, Forrest, 2006; Pulkkenen et al., 1999]. Несмотря на разные модели саморегуляции, самоконтроля, контроля поведения, все эти работы, включая нашу, свидетельствуют о раннем становлении и стабильности индивидуальных форм саморегуляции.

Раннее становление стратегий контроля поведения (прогресс от эмоционально-ориентированных к проблемно и социально ориентированным стратегиям), продемонстрированное в работе Г.А.Виленской [Виленская, 2008], свидетельствует о возможности рассматривать стратегии контроля поведения как онтогенетические предшественники совладающего поведения, опирающегося на развитие контроля поведения как интегративной характеристики индивидуальной регуляции. Тесная связь контроля поведения с характеристиками темперамента в раннем возрасте также подтверждает положение об индивидуальной ресурсной основе контроля поведения. Высокий уровень контроля поведения обеспечивает использование преимущественно продуктивных стратегий совладания, что прекрасно согласуется с данными, полученными на детях раннего возраста и указывает на правомерность наших представлений о единой природе адаптивных стратегий.

Таким образом, наша теоретическая гипотеза контроля поведения и ее эмпирические следствия подтверждаются в экспериментальных исследованиях. Полагаем, что контроль поведения – интегративная индивидуальная характеристика субъекта, разрабатываемая нами в контексте системно-субъектного подхода, отвечает современным принципам научного знания: межпарадигмальности, открытости конструкта, системности, поиску новых обобщений, интегрирующих историю проблемы и требования новых подходов.

Работа поддержана грантом РГНФ, проект 08-06-00053а.

Литература

Брушлинский А.В. Психология субъекта / отв. ред. В.В.Знаков. М.: Институт психологии РАН; СПб.: изд-во Алетей, 2003.

Ветрова И.И. Соотношение контроля поведения и стратегий совладения развивающейся личности //

Психологические исследования / под ред. А.Л.Журавлева, Е.А.Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. Вып. 1С. 63–76.

Ветрова И.И. Связь совладающего поведения с контролем поведения и психологической защитой в системе саморегуляции // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / под ред. А.Л.Журавлева, Т.Л.Крюковой, Е.А.Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 179–196.

Виленская Г.А. Выбор ситуативных стратегий контроля поведения в раннем возрасте: возрастная динамика и механизмы // Ребенок в современном обществе / под ред. Л.Ф.Обуховой, Е.Г.Юдиной. М.: МГППУ, 2007. С. 101–113.

Виленская Г.А. Стратегии контроля поведения и особенности родительского поведения в раннем возрасте // Активность – индивидуальность – субъект: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием "XXIII Мерлинские чтения", посвященной 110-летию со дня рождения В.С.Мерлина / научн. ред. Б.А.Вяткин. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. С. 183–185.

Виленская Г.А., Сергиенко Е.А. Роль темперамента в развитии регуляции поведения в раннем возрасте // Психологический журнал. 2001. Т. 22, N 3. С. 68–85.

Ковалева Ю.В. Контроль поведения при различном течении беременности: автореферат дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.

Ковалева Ю.В., Сергиенко Е.А. Контроль поведения при различном течении беременности // Психологический журнал. 2007. Т. 28, N 1. С. 70–82.

Корнилова Т.В. Саморегуляция и личностно-мотивационная регуляция принятия решений // Субъект и личность в психологии саморегуляции / под. ред. В.И.Моросановой. М.: Изд-во ПИ РАО; Ставрополь: СевКавГТУ, 2007. С. 181–194.

Леонтьева Д.А. От инстинкта к выбору, смыслу и саморегуляции: психология мотивации вчера, сегодня и завтра // Современная психология мотивации / под. ред. Д.А.Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 4–12.

Леонтьева Д.А., Леонтьев Д.А. Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В.Ломоносова / под ред. Б.С.Братуся, Е.Е.Соколовой. М.: Смысл, 2006. Вып. 2.С. 85–105.

Петровский В.А. Саморегуляция в структуре индивидуальности: кто субъект, кто объект, кто посредник? // Субъект и личность в психологии саморегуляции / под. ред. В.И.Моросановой. М.: Изд-во ПИ РАО; Ставрополь: СевКавГТУ, 2007. С. 151–171.

Сергиенко Е.А. Субъект развития, субъект деятельности, субъект жизни: регуляция поведения // Субъект и личность в психологии саморегуляции / под. ред. В.И.Моросановой. М.: Изд-во ПИ РАО; Ставрополь: СевКавГТУ, 2007. С. 256–273.

Сергиенко Е.А., Виленская Г.А. Динамика изменений раннего психического развития: психогенетический и онтогенетический аспекты // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2004. N 4(37). С. 105–118.

Соколова О.А. Динамика личностных характеристик женщин в период беременности как фактор психического здоровья матери и ребенка: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

Соколова О.А., Сергиенко Е.А. Динамика личностных характеристик женщины в период беременности как фактор психического здоровья матери и ребенка // Психологический журнал. 2007. Т. 28, N 6. С. 69–82.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер. 1998. 688 с.

Рязанцева Е.В., Сергиенко Е.А. Особенности контроля поведения подростков с разным уровнем агрессивности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювентология. Социокинетика. 2007. N 3. С. 122–135.

Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1981–1982 учебном году: пер. с франц. А.Г.Погоняйло. СПб.: Наука. 2007.

Холодная М.А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума: учебное пособие. М.: ПЕР СЭ, 2002.

Baumeister R.F., Schmeichel B.J., Vohs K.D. Self-Regulation and executive function: The Self as controlling agent // A.W.Kruglanski, E.T.Higgins. Social psychology: Handbook of basic principles (2nd ed.). New York: Guilford Press, 2007. P. 516–539.

Carver C.S., Scheier M.E. Attention and self-regulation: a control theory approach to human behavior. N.Y.: Springer-Verlag, 1981.

Fox N.A. Dynamic cerebral processes underlying emotion regulation // The development of emotion regulation: Biological and behavioral considerations / N.A.Fox. Monographs of Society for Research in Child Development. 1994. Vol. 59. (2–3, serial N 246). P. 152–166.

Immune neglect: a source of durability bias in affective forecasting / Gilbert D.T [et al.] // Journ. of Personality and Social psychology, 1998. Vol. 75. P. 617–638.

Higgins E.T. The «self digest»: self-knowledge serving self-regulation functions // Journ. of Personality and Social psychology. 1996. Vol. 71. P. 1062–1083.

Поступила в редакцию 10 июня 2009 г. Дата публикации: 25 октября 2009 г.

[Сведения об авторе](#)

Сергиенко Елена Алексеевна. Доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией психологии развития, Институт психологии Российской академии наук, ул. Ярославская, д. 13, 129366 Москва, Россия.

E-mail: elenas@migmail.ru

Web-страница: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/minisajty_/sergienko_.html

[Ссылка для цитирования](#)

Сергиенко Е.А. Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.20гг).

[К началу страницы >>](#)